Кругозор

1
1965

Кругозор

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЖУРНАЛ

С. БАЛЕСТА
В. ДРОЗНИН
Н. ЗИНЕНКО
Хозяева камчатского вулкана Авача.

Я. МИНИН
Ночной полет на лайнере ТУ-114.

Э. ТУРАНСКИ
В. ГОЛОВЦОВ
Встреча через 20 лет.

С. НИКИТИН
Счастливая. Рассказ.

А. МЕЖИРОВ
Коммунисты, вперед!

Н. АСЕЕВ
Я. СМЕЛЯКОВ
Ю. ЛЕВИТАНСКИЙ
Б. АХМАДУЛИНА
Читают свои любимые стихотворения.

З. ДОЛУХАНОВА
Музыкальный автограф певицы.

С. ОБРАЗЦОВ
Куклы и люди.

А. РУБИНШТЕЙН
Этюды Шопена.

М. МАКЕБА
Напевы Африки.

Мир согревается сердцами, песнями, шутками.
Взрывается вулканами, горючим в турбинах самолетов,
мыслями ученых, поэтов, инженеров.
Мир становится могучим и красивым,
как мускулы рабочего, который поднимает планету
все выше и выше к звездам.
Эхо мира. Волны эха...
Они оживают на страницах этого номера.

Фото
Вс. Тарасевича

Звуковой плакат
по стихотворению
А. Межирова
«Коммунисты, вперед!»
Читает автор.

КОЛУМБОВ ЛЕТЯЩЕЕ

Иван ТАРБА

Вот солнце опускается в пучину
И над водою плавится вдали.
Еще одну прибавив мне морщину,
Еще один уходит день Земли.

Что я сумел вписать в твои страницы,
День уходящий, тающий во тьме?
Чем я в тебе сумею сохраниться?
Что от тебя останется во мне?

Какой чертою будешь ты отмечен
В календаре стремительном моем?
Я не хочу, чтоб вспомнить было нечем,
Я не хочу, чтоб полнить было нечем
Мне день за днем,
Летящий день за днем.

Не допущу, чтоб ржавчиною лени
Дни покрывались медленно мои.
Живое пламя веры и стремлений,
Веди к свершеньям,
Вдаль меня мани.

Перевел с абхазского
М. Львов.

Евг. ВИНОКУРОВ

Человеку выпала
отрада
Вверх взойти на высоту
хребта.
Поглядел: ни рая
и ни ада! —
Без конца и края пустота!
— Что же я тогда на свете
стою,
Если я у мира на краю
Перед беспредельной
пустотою,
Помертвев, беспомощно
стою?..
И простер он трепетные
длани
И у этой роковой черты
Плотный мир, придуманный
заранее,
Не спеша слепил
из пустоты.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Я тебя напоил бы,
Летящее Время,
Всем вином, что бродило
В земных погребах.
Заласкал бы тебя,
Как рабыню в гареме,
И остался бы сам
В твоих верных рабах.
Только не улетай,
Мое время! Останься!
Мое быстрое, срочное.
Остановись!
На любой, на последней
Из мыслимых станций,
Где глазам открывается
Звездная высь.
Где меж сосен тропинка
Змеится куда-то
И зовет пешехода
К жилому огню...
Отдохни у огня,
Календарная дата,
Не гони меня дальше,
Как я не гоню.

ВРЕМЯ

Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет...
ЛОМОНОСОВ

Вл. ТРОФИМЕНКО

Руки,
рабочие корни,
дающие легкость кроне
эпохи — дымам ее яростным,
где спутники блещут,
как яблоки!
Руки сделали уши планете
и пустыне глаза — колодцы.
Из горсти моей брызжут
ракеты,
как из зерен брызжут
колосья.
Руки, дающие форму сыру,
караваю, домнам и крынкам.
Дающие музыке светосилу,
а кометам и детям — крылья.
Эти руки без дела скучают
и не могут найти себе места...
Эти руки детей качают,
как деревья качают месяц.

Леонид МАРТЫНОВ

Все будет наоборот.
Средства,
предназначавшиеся для нанесенья урона,
Будут направлены на оборону
От силы природы. Любой урод
Будет хирургами преображен в красавца,
Будут вправлены мозги любому глупцу.
По старинке ничто не должно остаться —
Старое время идет к концу.

На пятой звуковой странице вы услышите любимые стихи четырех поэтов — Николая Асеева, Ярослава Смелякова, Юрия Левитанского, Беллы Ахмадулиной. Четыре поэта — четыре поколения...

Фото Б. Алешкина,
А. Зыбина,
Г. Макарова,
Вс. Тарасевича.

Георгий ЗУБКОВ

Прочитанная книга вновь занимает место на полке. Ожившая на экране кинолента возвращается в хранилище. Полюбившаяся картина остается в музее. А в бронзовые лица памятников мы вглядываемся постоянно. И бывает, камень иных монументов становится пробным для событий и человеческих поступков...

— Моя мать ходила в платке. Так говорили у нас в Венгрии о крестьянке. Клеймо низшей касты

ЖИВЫЕ И

стояло ото дня рождения и на моей судьбе. Новое горе принесла война. Я страдала от унижений, я ненавидела фашистов, угонявших моих сверстников в Германию, упрятавших в Освенцим друга нашей семьи, избивших однажды до полусмерти на моих глазах отца. И все же тогда я была далека от политики...

Я слушаю Эржибет Турански, всматриваюсь в ее лицо и не могу отделаться от мысли, что она не просто медицинская сестра санатория. Мне кажется, что она спустилась с горы Геллерт, села на одной из шумных улиц Будапешта в автобус и очутилась здесь, в курортном местечке Шопрон.

Эржибет Турански суждено было стать символом.

Двадцать лет назад ее увидел на трамвайной остановке венгерский скульптор Жигмонд Кишфалуди-Штробль. Он работал над монументом в честь советских воинов-освободителей. Центральное место должна была занять тринадцатиметровая фигура женщины, держащей в поднятых руках пальмовую ветвь. В крестьянской девушке увидел скульптор черты, достойные символического облика. Так Эржибет Турански попала в мастерскую Штробля, а затем встала, отлитая в бронзе, на горе Геллерт.

Новая жизнь страны после освобождения стала и новой жизнью Эржибет. Дочь «женщины в платке» смогла получить медицинское образование, хорошую постоянную

работу. Она радовалась переменам и очень просто относилась к тому, что над Дунаем стоит ее бронзовый двойник.

— Но случилось так, — рассказывает Эржибет, — что я вдруг оказалась в гуще трагических событий. По тому, как люди относились тогда ко мне, я судила, друзья они или враги народной власти, социализма...

В дни, когда венгерскую землю, словно землетрясение, эпицентр которого находился далеко за границей, лихорадила контрреволюция, Турански пришлось многое

В БРОНЗЕ

Фото
Я. Рейзмана (Будапешт),
Л. Лазарева.

пережить. Уже одно ее сходство с той, что венчает монумент Освобождения, вызывало ярость врагов народной власти.

— Враги бросали в меня камни. Меня могли убить. На бронзовую женщину накинули веревку, а красные рубцы опоясали мою шею. Я тяжело болела. Но рядом были друзья. Они помогли, поддержали меня. Я никогда не пожалела о том, что согласилась работать в мастерской скульптора. Мы выстояли, выстояли обе.

Этот монумент сооружен на двухсотметровой вершине. Как пятиконечная звезда на фуражке бойца, он сверкает над городом. Женщина держит пальмовую ветвь над сыновьями Советской страны, погибшими за свободу Венгрии. Их имена — на цоколе памятника. А у подножия — фигура воина. Освободитель. Часовой. Солдат с автоматом и знаменем.

Автомат готов защищать пролитую кровь знамен, свободу.

— Так неужели, Эржибет, вы ничего не знаете об этом солдате?

— К сожалению, — она разводит руками. — Помню только имя его — Василий.

Солдат Василий. Жив ли ты? Кто ты?..

Нашел же я Эржибет. Найду и тебя.

Итоги поисков — в шести минутах второй звуковой страницы.

Будапешт — Шопрон — Тейково (Ивановская обл.)

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

●

Океаниды бросили меня,
Моих седин девчонки
не простили:
Ушли, как волны, весело
звеня,
И я стою на берегу пустыни.
Я вижу даль
в голубоватой мгле.
Там, за песками, солнце
в океане...
Нет ничего печальней
на земле
Мужской тоски о женском
обаянье.

●

Под забором валяется
кукла.
Вся она
от росы разбухла,
Голова у нее разбита,
Зияет пустая орбита.
Но в другой орбите
глазенок,
Сияющий в синем блеске,
Глядит совсем по-детски,
Словно выглянул из
пеленок.
Я иду по своим делам.
Какое мне дело до куклы!
У нее голова — пополам,
И скрепляют ее только
букли.
А я не гляжу в кювет.
До куклы мне дела нет.
Дела нет,
говорю, до куклы
Больной и от грязи
смуглой.
День прошел. Все заботы
прочь.
Пожусь, засыпаю. Ночь.
Проснулся... Пробило пять.
Сердце
бьется
часто.
Долго не мог понять,
Отчего я такой несчастный!

1964+1 = С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУГ!

Николай РЫЛЕНКОВ

Первопуток... Сколько поэзии в этом слове, по-русски звонком и прозрачном. Я до сих пор слышу из моего детства заливистый звон бубенцов, вижу сквозь годы расписные дуги над лебедиными шеями гривастых коней, уносящих в зиму, за поля, за леса.

В нашей деревне гордостью были добрые лошади. Больше всех выхвалялся самолюбивый мужик Филипп Степанович. «Что у меня на столе — никто не знает, а как я езжу — видят все»,— говорил он.

На катанье за ним редко кто мог угнаться. Но если мой отец запрягал в легкие санки свою игреневую кобылку Мальку, Филиппу становилось жарко. Я, замирая от восторга, изо всех сил прижимался к решетке в задке санок, чтобы не вылететь в сугроб на выбоине.

Первопуток

А отец только пошевеливал вожжами: «Здравствуй, зимушка-зима, посвела ты всех с ума!»

«Стой! — наконец кричал Филипп.— Покоряюсь!»

Малька, словно сознавая свою победу, останавливалась у крыльца, гордо тряхнув бубенцами. Мать, чуть не плача, выбегала навстречу. «Пожалел бы хоть ребенка, у него же сердце могло разорваться от страху!» «Ничего, побольше таких страхов»,— отвечал отец.

Разве можно забыть... И я счастлив, что и сейчас у меня впереди

Есть первый утренник и первый снег,
Есть первопуток на виду у всех,
Есть инея серебряная вязь...
Вникай во все, волнуясь и дивясь.

А когда мне становится грустно, я говорю себе:

Поди по пальцам высчитай,
Чем в сердце свет зажег
Рассыпчатый, крупитчатый,
Нетронутый снежок.
Рожденный в белом полыме,
Он затаил зарю,
И я горстями полными
Тебе его дарю.

г. Смоленск.

Фото А. Гермнаса

Музыкальная картина «Русская зима» — шестая звуковая страница. Вы услышите Людмилу Зыкину, русский народный хор и квартет советской песни.

6

Я-ЛИНЕЙНЫЙ ЛЕТЧИК...

В это утро на сибирских аэродромах слишком много самолетов стояло «носом на Москву». Не принимали по метеоусловиям Москва и Ленинград, Киев и Симферополь. Но наш ТУ-114 с бортовым номером 76489, имея 152 пассажира и почту, несся по направлению к Москве на высоте 9 тысяч метров с путевой скоростью.

Минин «пробивал» трассу. Он вылетел из Хабаровска с такой формулировкой: «Нас выпустили, но никто не заявил, что готов нас принять. Впрочем, если честно говорить, в глубине души я надеюсь на Москву».

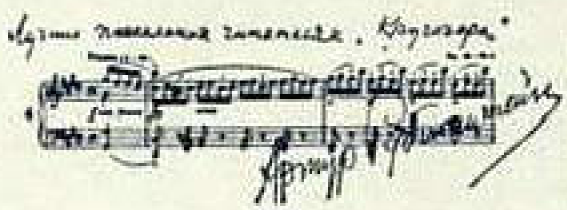
Над Иркутском нас хотели вернуть в Хабаровск, над Новосибирском — в Иркутск. Но Минин уговаривал «консервативных» диспетчеров, лелея надежду на Москву.

Над Свердловском эта надежда полностью рухнула, когда нам приказали идти на Ленинград, который временами чуть-чуть открывался. Минин согласился, только с одним условием: идти на Ленинград через Внуково. Ему разрешили. ТУ снова повернул нос к Москве, вынюхивая луч радиопривода. Вскоре внуковский диспетчер сообщил условия посадки. Их приняли. Минин, до этого сновавший по кабине, что-то кумекавший с радистом, то и дело лазавший вниз к штурману, сел на свое рабочее место и застегнул привязной ремень.

Самолет терял высоту. Станции подхода к Москве, как драгоценную эстафету, передавали его друг другу. На высоте три тысячи метров ТУ вошел в сплошную облачность, кото-

7

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Артур Рубинштейн, американский пианист, дал прощальное интервью нашему корреспонденту А. Гальперину в Шереметьево. Рубинштейн сидел за низким столиком и порой, машинально сняв перчатки, бросив крепкие, нервные пальцы на стол, поднимал и опускал их, как будто перед ним был не равнодушный пластик, а живая клавиатура рояля...

— Играю ли иногда гаммы? Специально, пожалуй, нет. Если только нужно быстро обрести форму. Но и тогда не жертвую даже развлечениями — кино, например. Если фильм не слишком захватывающий, я снимаю пальто, кладу его на колени и вслепую начинаю играть на нем, вот как сейчас. Получаса бывает вполне достаточно.

— Полчаса — это немного...

— Меня гаммами отпугнуть невозможно. Но для начинающего такая опасность вполне реальна. Надо внушить ученику, что следует прежде всего думать о музыке, а не только о технике. Или, вернее, сразу о том и о другом.

— У вас есть ученики?

— Я уезжаю отсюда с некоторым чувством досады на самого себя. Посмотрите на ваших музыкантов. Ойстрах, Гилельс, Хачатурян, Шостакович. У каждого своя школа, у всех ученики, которые продолжат дело. У меня нет никого. Педагогика требует порядка, а таких институтов, как Московская консерватория, у нас в Америке не существует. Впрочем, есть у меня одна идея... Если приеду еще раз сюда,— а я очень хочу этого,— то попрошу, чтобы мне разрешили устроить несколько открытых уроков в Москве... Рассказать есть о

рая расценивалась по высшей ставке — 10 баллов. На высоте четыреста метров самолет стал делать последний разворот перед посадкой, и тут я увидел, как, проткнув слой облаков, медленно проплывает мимо перекошенного иллюминатора остроконечный памятник со звездочкой на конце. Только через секунду стало ясно, что это шпиль Московского университета и слой облаков опустился ниже этого шпиля... «До полосы 15 километров... 9... 5!— информировал диспетчер.— Полоса перед вами!» Честное слово, перед нами не было ничего, кроме белой мглы. И вдруг совершенно неожиданно, накрытая грязным пододеяльником облаков и жуткая в своей стремительной близости, навстречу самолету выпрыгнула полоса. Но, черт побери, она была гораздо правее самолета! На штурманскую кабину несся слякотный кусок Подмосковья с колеями, протоптанными в глинистом поле самосвалами, с хлипкими человеческими следами, с одинокой мокрой березой. «Второй круг»,— подумал я.

И вот тут произошло просто чудо. Минин сделал одно-единственное движение. Сто с лишним тонн посадочного веса грозно наклонились, полоса послушно перескочила к центру штурманского фонаря. Со стороны это показалось невероятным. И только потом, много думая об этом, я понял, что это просто опыт, просто реакция профессионала, вобравшая в себя, может быть, все пятнадцать тысяч мининских летных часов. Все произошло очень просто: как только показалась полоса, Минин тут же резко и смело повернул штурвал вправо. «Выруливайте к десятой стоянке»,— буднично сказал аэродромный диспетчер.

Все. Полет закончен. Минин не вернулся в Хабаровск. Не сел в Иркутске. Не сел в Ленинграде. Он прилетел именно в Москву, не растратив лишние тысячи рублей.

А пассажиры уже спускались по трапу. Никто из них не подозревал, что рейс получился не совсем обычный, но мастерство и находчивость летчиков не подвели и в сложной ситуации. Никто из пассажиров не видел в глаза и самого Якова Киреевича Минина. Правда, он раз прошелся по самолету, но на него никто не обратил внимания: летчиков тут ходит много, а Золотую Звезду Героя Советского Союза Минин оставил дома... Только один пассажир, выйдя на трап, недовольно сказал: «Где начинается аэрофлот, там кончается порядок. На целых двадцать минут опоздали».

Минин всего этого не слышал. Он смотрел через окно на спускающихся по трапу пассажиров и думал о том, что у всех этих людей много срочных и важных дел в Москве, что у него самого сегодня вечером гости, у штурмана день рождения сына, а у одной бортпроводницы вечером на площади Революции, под часами, архиважное свидание, пропустить которое никак нельзя.

Ю. ВИЗБОР

Москва — Хабаровск — Москва, борт ТУ-114 № 76489.

На звуковой странице вы услышите песню-путешествие. В ее создании принимали участие: командир отряда Н. Сафронников, командир корабля Я. Минин, второй пилот В. Колмыков, штурман Н. Костенко, бортинженер А. Курдасов, бортрадист И. Атякин, инструктор бортпроводников Г. Аксенова и наш спец. корреспондент.

чем. Я знал Скрябина, Римского-Корсакова, Рахманинова. Да разве перечтешь всех?.. Я пишу книгу. Там будет сказано и о моей первой музыкальной любви — Брамсе, и о боготворимых мной Моцарте, Шуберте и, конечно, Шопене... Что вы дадите на пластинке «Кругозора»?

— Мы выбрали ми-минорный и до-диез-минорный этюды Шопена. Вы не возражаете?

— Если записи хорошие.

Пианист открывает тетрадь этюдов Шопена, пишет автограф.

— И несколько слов для нашей публики. Что вы о ней думаете?

— Погодите. Минуту на размышление... Вопрос о публике не так прост. По-моему, аудитории, абсолютно подготовленной к восприятию любого рода музыки, не существует. Я помню, как меня освистывали в Италии за исполнение Скрябина и Дмитрия Шостаковича. А потом все стали их играть и восхищаться ими. Потом могут быть парадоксы. Известно, какими снобами и аристократами были когда-то англичане. Война перевернула их, и лондонцы стали ходить в концерты без фраков. Наоборот, в Неаполе артиста может подстеречь угрюмость. Тут законов нет. Что касается вашей публики... Теперь можете включить микрофон.

(Третья звуковая страница.)

ВУЛКАН СНАРУЖИ

С. ЗИНИН

Вулканология — это прогноз. Не только дерзкие спуски и восхождения, а исследование строения земной коры на самом горячем материале. Не только мрачный колорит пепла и шлака, но и стремление использовать эти экзотические материалы в качестве строительных. Наука, в которой трезвый расчет ученого соседствует с азартом спортсмена и моряцким умением ждать.

На Камчатке, где, наверное, самое дорогое в Союзе привозное топливо, есть еще у этой науки и другие заботы. И уже строят первую электростанцию, работающую на энергии термальных вод. А спуски, мороз, жара, пудовые рюкзаки — лишь нелегкая плата за знание, за подтверждение гипотез, порой за очень прозаические вещи. Как везде в науке. Даже если эта наука и называется по имени мифического хромого бога. Надо только помнить, что сей бог по профессии — кузнец.

...Уже пять дней мы, пятеро здоровых парней, сидим в палатке у подножия Авачи. Черт возьми, неужели все-таки не установится погода!

На шестой день стихает. За три часа — а на горизонте снова бастионы туч! — за три часа, как саперы под огнем на переправе, ребята разворачивают сейсмостанцию. Взрыв! Поползли голубые молнии осциллограмм — данные разведки основания вулкана.

Вечером состоялись пельмени из тушенки. Это был день рождения Вячеслава Балесты, начальника маленького отряда.

На другой день все началось сначала.

На другой день два вулканолога из другой группы — Валерий Дрознин и Наташа Зиненко — поднялись на кратер того же вулкана. Ваш корреспондент был третьим.

Непрочная морзянка наших следов пробила облака. Над сырыми клочьями тумана выстроились вершины гор. Тишина. Лишь щелкает мокрым

брезентом по снегу ветер, этот неутомимый пловец над вершинами.

— Пошли!

По осыпям скатываемся вниз на дно кратера. Мутнеет зеркало неба в круглой раме вечных наледей. Встает плотная стена пара и газа. Мы пробиваемся к раскаленной фумароле — расщелине, из которой течет газ.

Все описания субъективны, и мы отсылаем вас на восьмую звуковую страницу, где записан репортаж спуска. Микрофон — он всегда объективен.

Этот парень, случайно снятый в Петропавловском аэропорту, из того же племени. Самолет везет капитанов, рыбаков, архитекторов и посылочный ящичек с надписью «не кантовать». Пассажир не доверил багажному отделению только свою гитару и ящичек с колбами газа. В хрупком стекле — уловленный код тайн, которые посылают раскаленные недра.

Самолет делает круг. Под крылом — изборожденная морщинами вершина, и знаю, там тянется новая морзянка следов вулканологов...

Камчатка.

8

И ИЗНУТРИ

Фото автора

ДРУЗЬЯ, КАК Я МОГУ ЗАБЫТЬ!

II

Виктор ЕРОХИН

Фото В. Соболева

«Друзья, друзья, как я могу забыть те кости белые, что шепчут на ветру...»

На выжженном солнцем песке они все белые — и кости черных, и кости белых...

«Обстановка у нас дома такова, что африканцы обладают лишь единой свободой — дышать. Я уверена, что правительство издало бы закон, отменяющий и эту свободу, если бы только могло...»

Ее дом — любимая и проклинаемая родина — ЮАР.

«Если ваша помощь не придет, то погибнут еще тысячи и тысячи. Тысячи таких, как вы и я».

Так поет, так говорит Мириам Макеба.

Ей тридцать два года. Тридцать два вместили и жизнь прислугой у белых, и горькое сиротство, и нищету, и славу, и разлуку с родиной.

Несколько лет назад она была вынуждена эмигрировать из ЮАР.

«...Я не могу вернуться туда, я не знаю, куда мне деться, хотя у меня и есть родина, которую я люблю».

С эстрад мира звучат песни Макебы, песни угнетенного народа. Песни борются. Песни верят.

В марте прошлого года Макеба выступила с пламенной речью в ООН перед специальным комитетом по апартеиду.

«Если ваша помощь не придет...» — предупреждает Макеба...

Одиннадцатая звуковая страница и начинается ее речью.

Жан-Мари КИТИКВА
Конго

БЬЕТ БАРАБАН

Как радужный гребень
над прядью седой водопада,
над Африкой блещет
заря долгожданного дня.
Свобода! Ты плащ мой.
Не знаю прекрасней наряда.
Свобода! Ты солнечный луч
на лице у меня.

Я просто охотник.
В саванне,
безбрежной, как небо,
настигну добычу —
счастливый удел
для отчизны моей.
Я просто рыбак.
Я в тяжелый, чешуйчатый невод
поймаю улов небывалый
из будущих дней.

Я просто пастух.
Я пасу предстоящие битвы
и полную нашу победу
в назначенный срок.
В моем калебасе —
сосуде, что сделан из тыквы,
надежды бурлят,
словно пенный кокосовый сок.

Вперед, конголезец,
свободной земли человек!
В груди твоей солнце —
оно пламенеть не устанет.
В лесах заповедных,
в долинах таинственных рек
там-там барабанит,
там-там барабанит,
там-там барабанит!

Перевел Михаил Курганцев

Счастливая

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Есть в летнем полдне средней русской полосы с его неровными ветерками, со стрекотом кузнечиков в траве, с каленым зноем, с воздвигнутыми из голубого и золотистого света кучевыми облаками по горизонту что-то отрешающее от забот и мирской суеты.

Я лежал с теневой стороны у стога сена. Их было много на длинном узком лугу, зажатом между двумя дубовыми гривами, а дальше по дрожанию воздуха угадывалась Клязьма, и мглисто-синей грядой чуть ниже облаков высился ее правый берег. По гребню его и в широких распадинах пестрели разноцветные крыши изб, желто-белесо сверкали ржаные поля и темными кущами застыли в безветрии деревенские вязы, тополя и липы.

В пойме, давно уже отшумевшей покосом, было прямо-таки пустынное безлюдье. Те, кто натоптал и наездил в лугах эти едва уже заметные тропинки и колеи, зарастающие мягкой отавой, занялись на том берегу делами другой страды: в луговых болотцах тоже давно отгремели выстрелы первых дней охотничьего сезона; рыболовы держались вольных плесов клязьминского низовья. Кто еще мог появиться здесь? Я чувствовал, что был один, может быть, на много километров вокруг и оттого не сразу понял, что слышу человеческий голос, а не какой-то иной звук лугов и леса. Всегда присутствует в дремлющем воздухе полдня этот тонкий вибрирующий звук, слитый воедино из шороха листвы, посвиста птиц, возни мелкого зверья, плеска вод и, кто знает, какого еще трепетания невидимой нами жизни. Но то, что я услышал, вскоре стало выделяться из него, приближалось и, наконец, отчетливо оформилось в мелодию колыбельной песни, слов которой я не мог отчетливо разобрать.

Множество раз сравнивался женский голос с журчанием ручья, пением жаворонка, звоном колокольчика, и я уж не знаю, с чем бы сравнить мне этот немудрящий тоненький голосок, вся прелесть которого была в какой-то прозрачной девической, даже детской чистоте. Он пел за гривой, где пролегала торная тележная дорога, выходящая на луг, и я отполз чуть в сторону, чтобы не спугнуть его своим присутствием. Скоро можно было разобрать и слова песни. Не слышал я их раньше и, увы, не запомнил. Да вряд ли это была какая-нибудь записанная собирателями песня, а не импровизация, вылившая в первых навернувшихся

Рисунок В. КАРАСЕВА

КАК ЛУЧ СОЛНЦА

Имя народной артистки республики Зары Долухановой связано с открытием необъятного мира музыки. Классическая законченность и тонкость всегда отличают исполнение певицы, обладающей столь редким голосом — колоратурным меццо-сопрано.

Автограф Зары Долухановой — приглашение к музыке. На четвертой звуковой странице журнала вы услышите старинную арию Антонио Кальдара «Как луч солнца» и романс Юрия Шапорина на стихи А. Блока «Приближается звук».

С нетерпением жду встречи с новыми произведениями советских композиторов

З. Долуханова

Страница романтиков

9

«ПАЛАТОЧНЫЙ ГОРОД»

«РОМАНТИКА»

Страница лириков

10

«ЖИВАЯ ВОДА» (из кинофильма «Большая руда»)

«ГОРОЖАНКА»

Песни О. Фельцмана, Я. Френкеля, М. Таривердиева, А. Колкера на стихи поэтов: М. Танича, А. Поперечного, Н. Доброправова, А. Ольгина, Исполняют певцы: И. Кобзон, В. Трошин, М. Кристалинская и Э. Хилль.

и полусвязанных между собой словах ласковый лепет матери.

— Устали мы с тобой, — послышался ее голос совсем близко, — Вон и носик у тебя весь в капельках. Гуля, ты мой, гуля!..

Как и я, женщина была уверена, что она одна здесь, и разговаривала громко, не таясь. Она, видимо, присела у соседнего стога или на краю гривы, в тени дубов, сопровождая каждое свое действие смехом и ласковым воркованием.

— Подожди-ка, мы пеленочки-то раскинем. Посучи, посучи ножками. Жарко гуленьке, жарко миломy... Ох, — сказала она вдруг совсем будничным, даже чуть с хрипотцой голосом,— сколько стогов-то наметали! Возить не перевозить. — И опять певуче зажурчала: — Ну, что, гуленька? Что милый куксится? Дать гуле молока?

Некоторое время ее не было слышно, но потом, теперь уже совсем тихо и опять с какой-то детской прозрачностью в звучании голоса, она запела:

— С гулей к папке пойдем, папка скажет: дура, малого взяла, по лугам в жару пошла. А нам дома тошно, а нам дома скушно. Печь мы истопили, на крыльце сидели. Под крыльцом-то куры квохчут, тихо стонут. Курам тоже жарко... Гулин папка глупой, с нами распростился, в пойму закатился. Там болота пашет, пни, кусты корчует. Комары его грызут, покоюшка не дают...

Так ли, точно слово в слово, пела она — не ручаюсь, но мне ясно представились и томительно жаркий деревенский полдень с этим стонущим квохтанием разморенных кур под крыльцом, и молодая женщина с первенцем на руках, влекомая какой-то счастливой тоской через эти залитые солнцем луга к мужу, который, по-видимому, работал сейчас на осушке заречных болот, и даже их встреча с ворчливой перебранкой, скрывающей глубокую радость и горделивое любование друг другом. Размеры ее счастья, видимо, смутили ее самое, и женщина попробовала испугать себя.

— А если нас молония убьет? — вдруг спросила она, внезапно оборвав пение, и я представил, как округлились при этом ее глаза.

С минуту она молчала. Но потом послышался ее счастливый, даже какой-то пьяный от счастья смех.

— Выдумает же, глупая. Молония! Небо ясное, тучек нет, листочки не шелохнутся. Пойдем потихоньку, гуленька.

Я выждал некоторое время и выглянул из-за стога. По дороге между стогами удалялась высокая тоненькая женщина в белом, мелкими цветочками сарафане и такой же косыночке, неся на руках что-то такое крохотное, чего почти не было видно за ее узкой спиной.

Если бы в эту минуту тучные стога стали бы расступаться перед ней, а сквозящие солнцем дубы склонили свои вершины, я, пожалуй, не увидел бы в этом чуда.

г. Владимир.

КУКЛЫ И ЛЮДИ

КУКЛЫ И ЛЮДИ

ТЕАТР «КРУГОЗОР»

Куклы и люди

12

Сергей ОБРАЗЦОВ

Фото А. Лидова

Если бы была создана история кукольного театра мира, она читалась бы как увлекательный исторический роман, в котором боги превращались в кукол, а куклы в богов. Куклам поклонялись и, предавая их анафеме, сжигали на кострах. Актеров, игравших куклами, презирали и — ставили им памятники. Полиция и церковь запрещали куклам появляться на улицах, поэты посвящали им стихи.

Куклы пересекали пустыни, горы, моря, страны. Итальянский Пульчинелла менял подданство, становясь французом Полишинелем, англичанином Панчем и русским Петрушкой.

Невозможно забыть глупого, хитрого, умного, наивного, злого Петрушку, с деревянной носастой головой и накрашенными глазами. Он был над ширмой, а за ширмой стоял последний могикан русского народного уличного представления Иван Афиногенович Зайцев. Во рту у Зайцева, прижатый к нёбу, лежал маленький серебряный пищик. Петрушка верещал высоким нечеловеческим голосом и бил всех палкой. Это было живое существо, с плотью и кровью, с душой и сердцем...

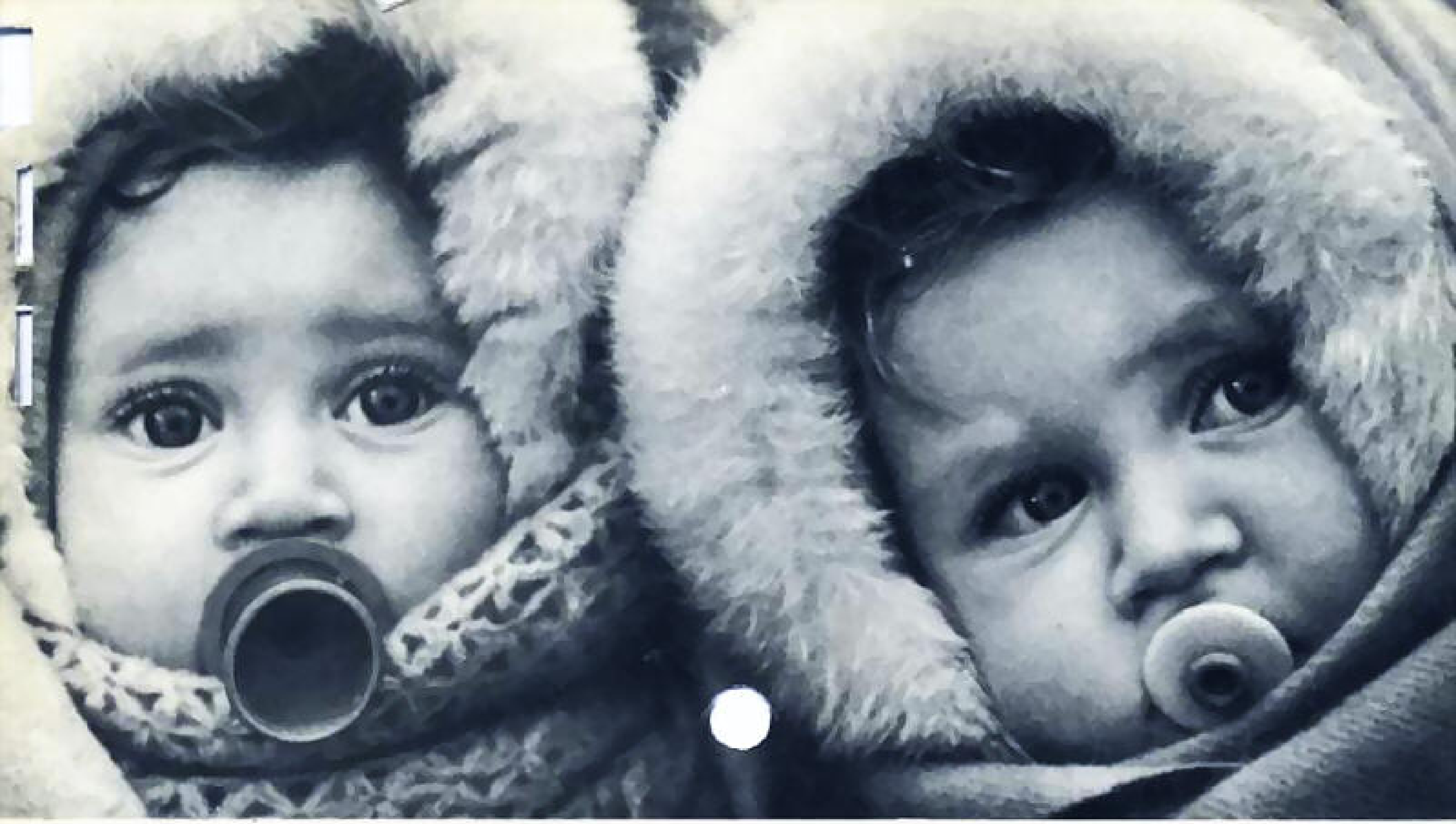
Иносказание как средство предельного обобщения всегда было и будет одним из приемов литературы и театрального искусства. Любовь Будур и Аладина или Ивана-царевича и Красы Ненаглядной, изображенная куклами, становится такой прекрасной и такой чистой, какой она бывает только в самых прекрасных и чистых песнях. А как умеет кукла высмеять тупость бюрократа, ханжество, трусость! Высмеять, доведя характеристики образов до степени басенного обобщения.

Перед тем, как ставить пьесу, мы всегда думаем «кому и зачем». Незачем, например, десятилетним ребятам смотреть сатиру на детектив «Мой только мой». Они его «впрямую» смотреть будут, и получится от этого не польза, а вред. А если на этот же спектакль придут шестилетние, так они заплачут с испугу, когда в полной темноте начнется гангстерская пальба. А взрослые в этом месте хохочут и аплодируют. Вечером — «только для взрослых», хоть ничего «неприличного» мы и не показываем.

Но всегда наши взрослые спектакли сатирические. Это и «Необыкновенный концерт», и «Под шорох твоих ресниц», и все те пьесы, о которых мы только мечтаем. Говорить о них рано, потому что родятся наши пьесы одновременно с рождением спектакля.

Несмотря на тридцатилетнюю историю Центрального театра кукол, нам, работникам театра, все время кажется, будто мы только-только начинаем. Ставя новую пьесу, трудно и долго работаем с автором, спорим до хрипоты, радуемся, отчаиваемся и тысячу раз заново все переделываем. Вот это-то и есть тот эликсир молодости, который не дает нам остыть и держит все время горячими и нашу веру и наши мечты.

Продолжение рассказа — на звуковой странице.

ПЕРВАЯ ЗИМА. Фото А. Лидова.

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., 25.
Телефоны редакции: В 3-74-42; В 3-74-59.

Б 03749. Подп. к печ. 25/XII 1964 г. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Бум. л. 0,5. Печ. л. 1. Тираж 150 000 экз. Зак. 3517. Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

На первой странице обложки: Праздник зимы. Работа заслуженного художника РСФСР Г. Мельникова (Палех).
На четвертой странице обложки: Оленевод с Камчатки Александр Котчинин. Фото Г. Копосова.

Скорость проигрывания звуковых страниц — 33 оборота в минуту. Игла — корундовая.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной фирмой «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

Художник В. ЩАПОВ
Техн. редактор Л. Петрова

Цена 1 руб.

